

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

## ЖУРАВЛИК-ПУТЕШЕСТВЕННИК

*Дарья Ильгова. Оригами: Стихотворения. — М.: Издательство “У Никитских ворот”, 2020.*

Похоже, что на белом свете всё давным-давно открыто, ни в чём и нигде не осталось белых пятен и Колумбам сегодня нечего делать. Но всякий раз, когда тебе попадаются хорошие стихи, невольно поражаешься, как это автор сумел найти невидимое, неслышимое, неизвестное, неведомое ранее в мире, в котором уже ничем нельзя никого удивить... И конечно же прав Пастернак, сказавший: “Талант — единственная новость, которая всегда нова”! А значит, каждый талантливый поэт в той или иной мере — Колумб, и каждый читатель, обращаясь к поэтической книге, ступает в личные владения открытий поэта. Открытиями может стать многое — самобытный словарь, интонация, ритм, образность, чувство цвета, пейзаж, отношение к миру и с миром, отношение к Богу и с Богом, искренность, смелость перед вечными вопросами... Но стержень всего — индивидуальность поэта, интуиция Колумба, чутьё охотника, подстерегающего добычу, воля к победе... И, разумеется, если повезёт, в русском исполнении, — судьба (увы, чаще всего — трагическая), духовная жажда, встреча с “шестикрылым Серафимом”, “жало мудрых змей” вместо “празднословного и лукавого” языка, и “уголь, пылающий огнём” в груди, дар пророка...

Дарья Ильгова, молодая поэтесса, автор нескольких тоненьких стихотворных книжек (“Расстояния”, “Снимки”, “Молчание”), на тяжёлую ношу пророческого дара пока не замахивается. “Ни вражды, ни границ, ни аномальных зон”, вторгающихся на её личную территорию, она категорически не приемлет:

*Только небо и солнце, и светлая даль степей,  
По ладони Бога бегущих за горизонт.*

И только голос, единственная и, пожалуй, счастливая форма дарованной свыше несвободы — допустима для неё:

*Словно птичка в клетке: и пользы не принесёт,  
И отпустить дрогнет Его рука.  
Ей тревожно и тесно. Всё же она поёт.  
Звонко поёт. И песня её легка.*

“Звонко поёт. И песня её легка...” — это она, это её голос, её возможность странствия по реальному и нафантазированному миру с цветными снами,

с влюблённостью, с расставаниями и встречами, с первыми дуновениями времени, по-юношески пугающими скорым взрослением и маячащей в дальнем далеке старостью. При этом и в радости, и в невесомом облаке грусти — очаровательная полнота жизни, молодости, опьяняющий непобедимый дух “вина из одуванчиков”, когда вокруг всё так естественно, так светло, как на картинах солнечного Аркадия Пластова:

*И смех летит, как пух, поверх голов,  
Ведь летний зной над юностью не властен.  
В привычных окнах маленьких домов,  
Прислушайся, гудит машина счастья.*

А над тревожными звоночками (колокольчиками!) из будущего — не омрачённая детская вера в бессмертие:

*Покуда есть надежда не взростеть,  
Твори добро — смешай на кухне блюда,  
Вдохни ветров шальных — и даже смерть  
И старость не посмеют прикоснуться.*

В стихах Дарьи Ильговой — с самых ранних и до сего дня — главная героиня, главный сюжет, средоточие мира, начало и конец, центр Вселенной — сама Дарья Ильгова. Могут даже упрекнуть поэтессу, дескать, перебор у неё с личными местоимениями первого лица. Действительно, порою кажется, что в системе её собственных координат, в её царстве-государстве алфавит начинается с буквы “Я”. Но ведь в том и вся прелесть, всё очарование поэзии Ильговой — в её своего рода поэтическом психоанализе собственного “Я”, которое, подобно неизвестному материку, с неутомимым упорством открывает для себя самой и для нас поэт. В чём, собственно, и есть предназначение лирики, и потому — Дарья Ильгова прирождённый абсолютный лирик...

И понятно, почему среди главных для неё тем остаётся долгое прощание с юностью, поскольку тут всё обжито, прибрано, намолено, согрето, обследовано, а далее — непредсказуемая неизвестность:

*Юность со мной всё чаще играет в прятки.  
День ото дня неприветлива и мала.  
Зрелость в погоне цепляется мне за пятки,  
Ждёт остановки, смотрит из-за угла.  
Я всё бегу куда-то, и взятки гладки.  
Не откупиться, сколько бы ни дала...*

И остаётся только заботливо любоваться чужою юностью, юностью младших сестёр:

*Наши девочки. Им не надо врать про железный стержень.  
Когда ты повержен,  
Их чудесные речи про “божью коровку”, “мирись-мирись”  
Извлекают тебя из руин и вдыхают жизнь.*

И в этом столько теплоты, любви, что воистину “нежнее и бесповоротней никто не глядел им вслед”!..

А ещё, с первого невысокого холмика набегающих лет начинаешь с щемящим чувством ценить и видеть новыми глазами близкое и родное:

*Расскажи мне, как можно остаться самой собой.  
Я оставила гул Москвы и морской прибор  
И вернулась к истокам пустой и осоловевшей.  
Май махал мне вослед цветущей в садах черешней.  
Папа встретил меня на вокзале совсем седой.*

С юности мучивший Цветаеву вопрос: “Уж сколько их упало в эту бездну” с итогом: “Настанет день, когда и я исчезну...”, — в лирике Ильговой также

имеет свою экзистенциальную историю как посягательство на её мир, её “Я”. Но поэтесса находит, пожалуй, единственно верный ответ на брошенный вызов:

*Не помнить зла, не лгать, не сожалеть  
О зимах ускользающих и вёснах.  
И вера, что прекрасны жизнь и смерть,  
Спасёт нас.*

Признаваясь, что “боль моя без границ” и “нежность моя тиха”, Ильгова находит для нежности удивительно простые и чистые слова:

*Спи, душа моя, радуй светлый десант крылатых,  
Что хранят твой маршрут от дома и до Арбата,  
А проснёшься, и пусть весь мир загудит набатом  
В белокурой твоей, нечёсаной голове.*

Хотя как настоящий поэт она знает истинную цену словам:

*...Мы дорожим своими словами и нишами  
И не рискуем быть до конца собой.  
Если слова — валюта, Боже, какие мы нищие.  
...Если молчание — золото, Боже, как мы богаты.*

Одно из лучших стихотворений Дарьи Ильговой “Оригами”, давшее название новой поэтической книге поэтессы, на мой взгляд, проводит прощальную черту между стихами юной девочки и новым взрослым периодом её жизни. Грустные эти стихи как бы о журавлике, сложенном из бумаги в технике оригами:

*Пусть по речке цветной кораблик  
Любой мастак.  
Но жизни складывается журавлик  
Совсем не так...*

И всё-таки, хотя и лежит он “на дне коробки картонной”, однако “рождён по линии, предрешённой Рукой Творца” и “видит цветные сны”. Такое бывает только перед полётом, перед ощущением высоты и невиданных открытий. И вот уже он,

*...коробки разрушив стены,  
Летит, летит...*

И где-то там, внизу, — “Москва–Берлин. Москва–Калининград”, “вершина горы Ай-Петри”, “очертания старой Гаспры”, “красивые чужие города”, Ницца, “тропы Прованса”, письма из Китая, мир, где “я во всей Вселенной. Где только ты”... И себя, новую, завтрашнюю, готовую к встрече с будущим, можно увидеть в этом дивном полёте:

*Я иду в хороводе красок и голосов  
И не чувствую страха, не помню про стук часов.*

*Я иду в окружении света над головой,  
Так пронзительно ощущая себя живой.*

.....

*Поздравляем нашего многолетнего автора  
Геннадия Николаевича Красникова  
с юбилеем!*